

Кони А. Ф. Воспоминания о писателях.

Сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова

Москва, издательство "Правда", 1989.

OCR Ловецкая Т. Ю.

8 сентября 1915 г. русская сцена понесла тяжкую и глубокую потерю: скончалась Мария Гавриловна Савина. Для тех, кто имел счастливую возможность слышать и созерцать ее игру, любоваться тонкими и нежными оттенками ее исполнения и уносить, благодаря ей, в душе своей яркий и иногда вполне самобытный, созданный ею, образ,-- ее кончина была огромным лишением в области нравственного и эстетического наслаждения, доставляемого театром. Для Савиной сцена была любимым поприщем для самостоятельного творчества, не ограничивающегося умелым и достоверным изображением того, что задумано автором. Она стремилась в олицетворение созданного автором образа вложить свое личное проникновение духовной сущности и бытовых условий этого образа. Становясь истолковательницей автора публиче, она нередко своим пониманием внутреннего мира изображаемого лица уясняла самому автору то, что им,-- быть может, бессознательно,-- было вложено в это лицо, как *возможность*, и обращала эту возможность в *действительность*. Эта способность проникновения, свойственная лишь великим артистам, распространялась у Савиной не только на изображаемую личность с ее страданиями и страстями, с ее сердечными муками и душевной чистотой, но и на всю среду, обстановку, бытовые и исторические условия, под влиянием которых жила и развивалась эта личность. Благодаря этой, если можно так выразиться, "ретроспективной интуиции", в исполнении Савиной чудилось и виделось давно минувшее время со всеми своими особенностями, а также необычное по вдумчивости понимание характерных свойств настоящего, не только не испытанного, но и не виденного ею. Какой бы женский образ она ни создавала, зрителя всегда поражала бытовая или историческая жизненность последнего. Ему приходилось невольно преклониться пред умом, знанием и талантом артистки, умеющей с одинаковой силой и чуткостью воплотить ряд самых разнообразных женских типов в их ярких переживаниях, начиная с горемычного, но гордого существа, порвавшего с недавним настоящим во имя неясного и для нее неосуществимого будущего, и кончая "жертвой общественного темперамента", со всеми ее ухватками...

Для тех же, кто имел радость бывать в личном общении с Савиной, кто знал ее не только по сцене, но и в частной жизни, ее уход "за грань земного кругозора" был двойной и горестной утратой. В ее лице из их духовного обихода ушла обладательница ума, тонкого и проницательного, способного, благодаря широкому развитию на почве неустанного самообразования, все понимать и перерабатывать,-- обладательница образного, красочного и точного слова для выражения изящной, в своем художественном обликий, мысли, не лишенной по временам иронии и затаенной насмешки. Все это, в соединении с пленительной внешностью и в особенности с удивительными по живости выражения, блеску и внутреннему огню глазами Савиной, заставляло крайне дорожить беседой с нею и пребыванием в одном с нею обществе, которое она своим присутствием всегда умела оживлять и поднимать от часто пошлой обыденности в область искусства и общих вопросов. К последним она относилась очень отзывчиво и была в этом отношении выдающимся деятелем в области общественной благотворительности. Охотно и широко расходуя свое слабое здоровье и жертвуя скудными часами необходимого отдыха, она постоянно участвовала в разных благотворительных чтениях и концертах, устраивала спектакли в пользу больных артистов или семей умерших, стучалась в двери влиятельных лиц с просьбами об облегчении участи тех, кого сбили с пути несчастно сложившиеся условия жизни. Ей обязано своим устройством убежище для престарелых сценических деятелей в Петрограде и при ее деятельном, сердечном и неизменном участии возник и процветал приют для детей артистов. Нужда и трудные обстоятельства ее товарищей по артистическому оружию встречали в ней всегда сочувственный и деятельный отклик, как бы далеко ни стояли от нее по своему сценическому положению эти товарищи. Вот почему на похоронах Савиной, у ее отверстой могилы, общее сочувствие всех окружающих вызвали трогательные слова одного из артистов: "Когда прозвучит труба последнего суда и русские артисты предстанут пред вечного судью со своими несчастиями, слабостями, испытаниями и слезами,-- Савина станет в их ряды и скажет: "И я с ними и за них!"...

Интерес, вызываемый ее талантом и ее личностью, привлекал в круг ее знакомых, как и следовало ожидать, многих представителей литературы, и притом наиболее выдающихся. Достаточно назвать